

НОВЫЙ Взгляд

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРЕДАН НАРОДУ И РОДИНЕ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Учредитель, издатель, главный редактор:

Бигуаа Батал Геннадьевич

Арт-директор: Богова Людмила Хазбиевна

Заместитель главного редактора: Айба Темур Вячеславович

Исполнительный директор: Агрба Даут Валентинович

Верстка: «Гранп-полиграф», Богородицкий Леонид

Директор по рекламе: Бигуаа Гунда Геннадьевна

Распространение: Бигуаа Астанда Вадимовна

Фотограф: Агумаа Александр Львович

Редакционный совет: Малеев Юрий Николаевич,

Шильников Сергей Юрьевич, Богова Елена Хазбиевна,

Мордовцева Оксана Вячеславовна, Джения Нури Леварсович,

Бигуаа Сабри Ирадионович, Багателиа Галина Дикрановна.

Адрес редакции: Республика Абхазия, г. Сухум, ул. А.Сахарова 36

Телефоны: (449) 91-09-38, 92-09-59 **E-mail:** nv-parod@mail.ru

Распространение и подписка: тел. (449) 95-92-21

Размещение рекламы: тел. (449) 95-34-39

Журнал зарегистрирован в Министерстве Юстиции Республики Абхазия. Свидетельство о регистрации СМИ № 20 от 21 августа 2006 г. Категорически запрещается полностью или частично воспроизводить опубликованные в журнале статьи, фотографии, рисунки без официального согласия редакции журнала. Рукописи, не принятые к публикации, не возвращаются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Ответственность за достоверность рекламных объявлений несут рекламодатели.

Отпечатано в типографии «Гранп-полиграф» (Москва).

Периодичность: 4 номера в год. Тираж: 2000 экз.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Каждый раз, выбирая героев номера, мы прежде всего стараемся показать новые и интересные стороны человеческой судьбы.

Поэма Семена Липкина «Нестор и Сария» никого не может оставить равнодушным к судьбе семьи Лакоба. Последним препятствием на пути грузинских националистов был любимец партии и вождя, руководитель Абхазии Нестор Лакоба. Он был серьезной политической фигурой, которая мешала реализации их планов по полной и окончательной грузинизации абхазского народа. Геноцид, развязанный руководством Грузии, привел практически к полному уничтожению интеллектуальной и политической элиты Абхазии, закрытию абхазских школ, искажению истории... Но абхазский народ, несмотря ни на какие превратности судьбы, сумел сохранить себя и свою родину Апсны!

Главный редактор

Бигуаа Батал

В номере:

6

«Нестор и Сария»
Кавказская быль

22

Луис Тастон Гутьерес

26

Абхазо-Итальянское общество

28

Воспоминания Султана Папба

32

Приоритетные направления
национальной политики Абхазии

36

Государственный интерес в
международных отношениях

40

Особенности Абхазской
национальной охоты

52

Немецкий конь абхазского джигита

56

Один день на государственной даче

60

Израильско-Ливанский конфликт
2006 года

70

Апсны — страна души

74

Вооруженные силы превентивных
миротворческих операций

80

Территория патриотизма...

Впервые об этой поэме Семена Липкина «Нестор и Сария» я узнал от Мусто Джих-оглы, он был родным братом Сарии Лакоба, который отсидел долгие годы в тюрьмах и лагерях, после своего освобождения он вернулся в Сухум. Оказалось, что архив Нестора Лакоба, который Мусто запрятал вместе со своей сестрой Сарией, оказался нетронутым. Архив был расконсервирован и хранился долгое время у Мусто. Он рассказал, что поэт Семен Липкин был у него в гостях, что тот очень внимательно слушал его рассказ о том, что происходило все эти годы с их семьей, с Нестором и Сарией. И именно Семен Липкин впоследствии написал поэму, которую назвал «Нестор и Сария», позже поэт подарил ее Мусто Джих-оглы. Саму поэму со своим автографом мне подарил Фазиль Искандер в Москве в 1980 году, подписав, что это дар не от автора. Впоследствии Фазиль Искандер свел меня с автором Семеном Липкиным, который жил тогда неподалеку от него в Москве. С автором у нас было очень много интересных встреч. Он рассказал, что начал писать поэму в 1956 году после XX съезда, на котором Хрущев упоминал о том, что было сделано с Лакобой и его семьей, тем более у Хрущева есть упоминание о Несторе в его мемуарах. Семен Липкин начал писать поэму ровно пятьдесят лет назад, а в этом году исполняется семьдесят лет со дня гибели Нестора Лакоба. Над поэмой он работал шесть лет, между прочим, на одной из последних встреч со мной

одну строфу он лично вписал на экземпляре этой поэмы и подарил мне. Насколько мне известно, эта поэма впервые и единственный раз была опубликована в девяностых годах за границей не то в Германии, не то в Америке в полном издании его произведений. Семен Липкин был известным переводчиком, значительную лепту он внес в перевод абхазского фольклора, абхазских сказаний, например Нартский эпос — это его перевод. Очень долгие годы он тесно сотрудничал и был в дружеских отношениях с Багратором Васильевичем Шинкуба, которого он очень ценил и уважал. Семен Липкин — человек с большим именем, он также принимал участие в «Альманахе Метрополя» вместе с Фазилем Искандером в 1978 году, за что и пострадал, так же как и его жена, Инна Лиснянская. Эти люди известны как в литературных кругах, так и среди интеллигенции России.

Поэма очень проникновенна, она приближена к действительным событиям и фактам, происходившим в то время. Уникальное творение, которое сохранилось, и можно абсолютно точно сказать, что эта поэма в Абхазии и России никогда не публиковалась и исключительно впервые она будет опубликована. Поэма раскрывает глаза на ту трагедию, которую пережил весь абхазский народ и Абхазия в целом.

*Комментарии
Лакоба Станислава Зосимовича.*

НЕСТОР И САРИЯ

Кавказская быль

Липкин Семен Израилевич — поэт, переводчик.

Родился 6 сентября 1911 г. в Одессе в семье рабочего. Детские и юношеские годы прошли в родном городе, где окончил школу. В 1929, переехав в Москву, публикует свои стихи в газетах и журналах. С 1931 его произведения перестают печатать. Изучив персидский язык, с 1934 занимается литературными переводами с восточных языков. В 1937 окончил московский инженерно-экономический институт, но продолжал профессионально заниматься переводческой деятельностью. Липкин известен как переводчик лучших образцов национальной литературы: он перевел калмыцкий эпос «Джангар» (1940), киргизский эпос «Манас» (1941), кабардинский эпос «Нарты» (1951), поэмы А.Навои «Лейла и Меджнун» (1943) и «Семь планет» (1948), поэму Фирдоуси «Шахнаме» (1955), произведения М.Турсун-заде, Айбека и др. Липкину принадлежат книга военных очерков «Сталинградский корабль» (1943), повести для детей по мотивам народных сказаний — «Приключение богатыря Шовшура» (1947), «Царевна из города Тьмы» (1961). Опубликовав несколько стихотворений в «Метрополе», подвергся резкой критике официальных властей — вышел из Союза писателей. В 1981 в журнале «Время и мы» (США) были опубликованы стихи Липкина, вошедшие потом в сборник «Воля», изданный в США. В 1983 был написан первый роман — «Декада». В 1984 вышел сборник статей — «Кочевой огонь», в 1986 — «Картины и голоса». В 1986 С.Липкин был восстановлен в Союзе писателей. В 1989 опубликовал сборник стихов разных лет «Лири»; в 1990 — сборник «Письмена», включивший стихи и поэмы, а также книгу «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»; в 1991 — «Угль, пылающий огнем» (зарисовки и соображения о Мандельштаме и Шенгели); в 1995 — «Вторая дорога» (зарисовки и соображения о советской литературе и литературной жизни в СССР); в том же году в Париже вышла книга стихов и переводов 1990–93 — «Перед заходом солнца».

1

Слышал я, что не чужды и животным
Подвижничество и борьба со злом.
В их взоры взором глянув мимолетным,
Мы человеческое узнаем.
Забуду ли тебя, кобылка Ная,
Калмыцкого тавра, светло-гнедая?
Сдружила нас военная гроза.
Забуду ли блестящие глаза
И темную тоску того сарая,
Где мы от немцев прятались вдвоем,
Вздыхали, молча, каждый о своем?

2

Но все же в человеке есть отличие,-
Мой друг иль враг, ты мне не прекословь,-
Его погибель и его величье,
Не только дух, но плоть его и кровь.
В животном порознь и живут, быть может,
Но только человек их свяжет, сложит-
Вот эти созданные для родства,
Два радиоактивных вещества,
Чья связь, возникнув, нелюдей тревожит.
Она умрет, чтоб возродиться вновь,
Ее названье- Разум и любовь.

3

Об этом много создано рассказов,
Один из них в моей душе живет.
На Черном море я узнал абхазов,
Частицу человечества, народ.
Когда из камня горя и обиды
В Египте воздвигались пирамиды,
Они в давилнях делали вино,
Накапливая теплое руно,
Стреляли диких коз в лесах Колхиды
И пели по наитью, без забот:
Так утверждает честный Геродот.

4

Их научили греки,
Крестясь, взывать к распятому в мольбе,
А на иных кричали муэдзины
И призывали к праведной борьбе,
Но до сих пор язычества герои
Им слышатся в горах, в морском прибое.
Есть новые предания. Одно
Я приведу. Уверен я: оно
Имеет отношение прямое
К судьбе земли, к моей судьбе, к тебе
И к органам НКВД-ГБ.

5

А кто же зачинатели былины?
Те дни, что на глазах у нас прошли,
Когда родные замерли долины,
Чужие были в море корабли.
Году в двадцатом, в домике крестьянском,
Найдя приют в семействе мусульманском,
Скрывался Нестор, видный большевик.
Хозяин к неизвестному привык.
Тот о житье-бытье своем абрекском
Рассказывал, о новостях земли,
Премевших от Абхазии вдали.

6

Поджарый, сухощавый, как борзая,
Смотрел он много вечеров подряд
Сквозь узкое отверстие сарая
На удивительный земной наряд.
Здесь кипарис — ближайший друг березы,
Здесь льнут к рябине винограда лозы,
Здесь нам являют благородный нрав
Союз дерев, сотрудничество трав,
Порфир вершин и жгучих долов розы,
И фиговые ветви, и гранат —
Славянских яблонь закавказский брат.

7

Иль призрачно согласие природы?
Иль, может быть, вражду от нас тая,
Сражаются деревья, как народы,
И в той войне — начало бытия?
Не забирался Нестор в эти выси.
Он думал, что меньшевики — в Тифлисе,
Что в ожидании вялом нет добра,
Но действовать не пробила пора,
Что нужен не тигриный ход, а лисий,
Что в этом доме славная семья,
Что хороша, как счастье Сария.

8

Но что такое счастье? Утвержденье
Заманчивых, заимствованных фраз?
Родного племени освобожденье?
Быть частью взрыва, что весь мир потряс?
Расчетов упоительная битва?
Ловцов удачи хитрая ловитва?
Над подчиненными такая власть,
Чтоб страшно было им тебя проклясть
Затем, что ты незыблем, как молитва?
Иль божий блеск влекущих карих глаз?
Он сам не знал в тот беспокойный час.

9

Не задавала этого вопроса
Шестнадцатая девичья весна,
Когда, лицо прикрыв рукою косо,
С ним трепетно здоровалась она.
Вот это счастье — постаревший рано,
С отцом и братом рассуждавший странно,
Небритый, невысокий человек,
Который домогательства пресек
И божества неверных и Корана,
И для которого судьба ясна —
И даже та судьба, что ей дана!

10

Законы защищая новой жизни,
Он слушал со вниманием отца,
Чьим разговорам о дороговизне,
Как ей казалось, не было конца.
Он разъяснял московские декреты,
Их смысл, дыханием Ленина согретый,
Он вел повествование свое,
Не глядя на нее, но для нее,
И по хозяйству он давал советы,
Взволнованные трогая сердца,
Как скрипка винодела — апхярца.

11

Он с ними распрощался, как мужчина,
Что прадедов обычаи берег.
Отведал из холодного кувшина
Домашнего вина отменный рог.
Благодарил почтительно, но ровно,
С достоинством, весьма немногословно.
В седло вскочил — и в бурке, в башлыке —
Погнал коня, мелькая в тростнике.
Хотя бы раз взглянул ли он любовно?
Но Сария не вышла на порог,
К началу новых для нее дорог.

12

Какое дело до ее мечтаний
Всему, что завертелось на земле!
К себе домой уходят англичане
И поднят красный флаг в Сухум-Кале.
Хотя сера газета, бледны краски,
К ним прибыл свежий лист как бы из сказки,
Принес крестьянам Нестора портрет.
С заслугой на груди, во френч одет,
С трибуны он смотрел, как вождь абхазский.
Газета перед всеми на столе,
А он пред ней уносится в седле.

13

Настало утро, теплое, сырое.
Причалил из Батума пароход
К сухумской пристани. В гудящем рое
Есть пчелка, что особый ищет мед.
Она как бы не видит греков в фесках,
Ни франтов в ноговицах и в черкесках,
Ни с гор сошедших медленных крестьян,
Ни в фаэтонах едущих армян,
Ни томных, грустных маклеров одесских, -
Ремесленный, торгующий народ,
Узнавший Красной Армии приход.

14

Южанин до конца самонадеян,
И югом здесь дышало все кругом.
Но что ей говор маленьких кофеен
И шум толпы на берегу морском?
Да и ее в толпе не замечали —
Крестьянскую девчонку в черной шали,
С картонкой довоенною в руке
И в лодочках на низком каблуке.
А путь — он так ей страшен был в начале —
В гостиницу «Ривьера» всем знаком:
В «Ривьере» помещается ревком.

15

Рассказывают — верить ли рассказу, -
Ее увидел Нестор из окна.
Но, может быть, он вышел к ней не сразу,
Как только понял, что пришла она?
В ее глазах прочел он постоянство,
Что было светлым, вольным, как пространство,
И крепче гнева брата, и угроз
Отца, и горьких материнских слез,
И крепостной твердыни мусульманства...
Он понял все, он ей воздал сполна,
Сказал в ревкоме: «Вот мая жена».

16

Учитель русского и рисованья
Казался ей предтечею добра.
Пора любви, пора образованья,
Державности весенняя пора!
Все созидалось в эти дни впервые,
И фабрики, и гимны боевые,
Чека, больница, трактор и букварь —
Судеб живой и мертвый инвентарь.
Как часто начинанья роковые,
Такие безобидные вчера,
Вдруг обрели ярьость топора...

17

В роскошных галифе, в военных звездах
 Приходит праздник, весело сверкнув.
 Стреляют не в людей, стреляют в воздух:
 У Нестора родился сын Рауф.
 Сидят, блистая в именитом круге,
 Народа общепризнанного слуги,
 Едят, острят и много, долго пьют,
 И должное хозяйке воздают –
 Достойной, верной, любящей супруге.
 Она к ним входит, голову пригнув,
 Еще как следует не отдохнув.

18

Их дом стоял как башня кондотьера.
 Обегала полукругом крутизна,
 А впереди — субтропиков Ривьера,
 Пологий спуск, асфальт, голубизна.
 Здесь цветники пестрели, повторяя
 Средневековую картину рая,
 И водопада мерные струи,
 И мебель по рисункам Сарии –
 Красавицы и первой дамы края,
 С которой — знали все — была дружна
 Лукавого Лаврентия жена.

19

Два имени при Сталине звенело:
 Лаврентий и Серго. Солдат, нарком,
 Серго был сотоварищем картвела
 И Ленину он лично был знаком.
 Существовал без прошлого Лаврентий.
 В черкеску или во фрак его оденьте, -
 От века неизменен он всегда,
 Подумав «нет», с улыбкой скажет: «да».
 Опричника в полуинтеллигенте
 Вождь разгадал тотчас же: в чем другом,
 А в этом деле был он знатоком.

20

Здесь часто отдыхал в приморской вилле
 Отец народов, мудрый корифей.
 В приморской вилле Нестора любили
 И баловали ласкою своей.
 Да, Сталин отдыхал. Многоязыкий
 Восточный край приятен был владыке.
 Здесь даже иерархия вершин
 Была железным следствием причин,
 И член ЦИКа, наполовину дикий,
 Казался повелителю милей
 Всех громких лидеров тогдашних дней.

21

Еще в Москве есть прошлого отrostки,
 Ветвистый ствол еще не истреблен.
 Сквозь все пенсне проглядывает Троцкий
 И недобиткам имя легион.
 Зиновьев образован, хоть бездарен,
 Надменен Каменев — еврейский барин,
 Вертлявый Радек просто надоед,
 И Томский что-то не по чину смел,
 И ненавистен грамотей Бухарин,
 А здесь лишь он один блестящ, умен,
 Здесь — миродержец и вожди племен.

22

Под сенью эвкалипта, у залива,
 Не здесь ли, как прилежный садовод,
 Неторопливо, тихо, терпеливо
 Выхаживал он каждый грозный плод?
 Не здесь ли, южным осенним покоем,
 Он понял: «Ничего мы не устроим,
 Пока не будут в пыль превращены
 Мешающие жители страны.
 Их надо снять и срезать. Слой за слоем».
 Не здесь ли он взлелеял твой приход,
 Тридцать седьмой, жестокий год?

23

И двинулась Россия: малoverы;
 Комбриги; ротозеи; мужики;
 Путиловцы; поляки; инженеры;
 Дворяне; старые большевики;
 Ползучие эмпирики; чекисты;
 Раскольники; муллы; эсперантисты;
 Двуррушники; дашнаки; моряки;
 Любовницы; таланты; дураки;
 Предельщики; лишенцы; виталисты;
 Соседи; ленинградцы; старики;
 Студенты; родственники; остряки;

24

Алашордынцы; нытики — короче,
 Все те, которых жареный петух
 В зад не клевал — на край полярной ночи,
 Туда, где свет, едва взойдя, потух,
 В тайгу, в цынгу, без права переписки.
 Там никому не ставят обелиски,
 Там и без газа человек горел.
 А за расстрелом следовал расстрел,
 От близких отворачивался близкий,
 По капле капал яд — сочился слух,
 И смрадно гнил, изнемогая, дух.

Нестор Лакоба и его гости на иностранной яхте

Сталин 1935 г.

На снимке маршал Егоров, маршал Ворошилов, Сталин, маршал Тухачевский, Нестор Лакоба. Н. Афон, 1935 г.

Открытие Московского метрополитена. На снимке: главный редактор газеты «Правда», Лакоба, Хрущев.

Лаврентий Нестора спросил с улыбкой:
«Какое имя, друг, тебе дано?
Слышал я — не шути с такой ошибкой —
Что псевдоним ты выбрал в честь Махно».
«Мне имя Нестор дали при крещении».
«Ну, не сердись». — И словно бы в смущеньи
Абхазского обнял он Главаря.
Но понял Нестор: сказано не зря,
Нет, не случайным было посещение!
С Лаврентием он враждовал давно.
Вражда бурлила скрытно, как вино.

Мы грешники от мала до велика.
А все же мир воздвигся на святом.
Где ж праведник? Искать его начни-ка,-
Он среди нас и в нас, мы с ним растем.
Нередко так же, как и мы, корыстен,
Он сам себе до боли ненавистен,
Тщеславен, и коварен, и труслив,
И жалок, и жесток, и похотлив,
Он жаждет, вместо горьких, ложных истин.
А в чем же, спросишь, святость? Лишь в одном:
В том идеале, что не гаснет в нем.

Случается, что идеал ничтожен,
А сам-то праведник смешон и мал,
Но ты сумел бы вынуть меч из ножен,
Как он, пойти на смерть за идеал?
И Нестор тоже грешен был во многом.
Он унижался пред горийским богом,
Он знал, какие хитрости в цене,
Порою шел от правды в стороне,
Порою по кривым ступал дорогам.
Когда же превращался он в кристалл?
Когда он за Абхазию стоял.

Он все любил в своем родном народе:
Обычай, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Кулак уничтожался разве сотый,
И то, коль Нестор к стенке был приперт.
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой,
В московских наркоматах — понужней
Он для нее выискивал друзей.

Того, кто хочет Сталина постигнуть,
Одна его причуда удивит:
Вновь на Кавказе вздумал он воздвигнуть
Восточную державу — монолит.
Париж, как говорится, стоит мессы,-
К чему ж абхазы, разные черкесы?
И Нестор как-то стал ему не мил.
А тут еще Лаврентий навредил:
У Нестора свои, мол, интересы,
Он в сторону Серго всегда глядит,-
Его помощник это подтвердит.

Серго же ненавидел всех душою
Лаврентия: «Муссаватист и вор!
Шестерка с биографией чужою,-
Как вождь его не понял до сих пор?
Развратник и убийца,- на Кавказе
Он стал источником зловонной грязи,
Неслыханных предательств и обид.
Он скоро наши кадры истребит!».-
Так (мысленно) Серго кричал в экстазе,
А с Нестором, в кругу абхазских гор,
Был у наркома тихий разговор.

В Москве очередной закончен пленум.
Серго абхаза к Сталину привел.
Тот встретил их во френче неизменном,
Руки не подал. «Разжирел, орел!»-
Так он Серго приветствовал, не глянув
На Нестора... На полочках — Плеханов,
(Тома разрозненные), на стене-
На кнопках — Пушкин, и сосна в окне,
И несколько бутылок и стаканов,
Которыми уставлен белый стол,
И чисто вымыт деревенский пол,

И дышит где-то за стеной охрана,
И все же не тускнеет ореол,-
Вождь смотрит остро, огненно и пьяно,-
И жест небрежный: появились, мол,
Так пейте «Двин», он стоит много денег...
Тут Нестор про Лаврентия: «Изменник,
Себе в республике, вождю во вред,
Он ложный создает авторитет».
Стакан пригубил вождь: «Кинто, мошеник,
Он сам себя в марксисты произвел!»
Был добродушен смех, а взгляд тяжел.

Домой уехал Нестор окрыленный:
Его надежды наконец сбылись!
Он вести, вести ждал определенной,-
Вдруг на бюро он вызван был в Тифлис.
Лаврентий пригласил его на ужин.
Шофер занес «Качича» пару дюжин.
Вернулся Нестор в номер после трех.
Когда же он издал последний вздох?
Он мертвый был в постели обнаружен.
«Стенокардия. Приступ. Сильный криз».-
На том врачи высокие сошлись.

Был с почестями труп его отправлен
В Абхазию. Вскричала Сария:
«Я знаю, ты Лаврентием отравлен,
Мой Нестор, жизнь моя, душа моя!»
Пространный некролог по всем газетам
Прошел в те дни (в Республике с портретом).
Но из могилы ночью, через год,
Был труп изъят. Сказали: «Так народ
Решил». Не успокоившись на этом,
Забрали Сарию. Здесь колея
Пройдет ее иного бытия...

В Кремле еще не спали на рассвете.
Вдруг шоферни прервав ого-го-го!,
Раздался выстрел где-то в кабинете.
Убит нарком. Но кто стрелял в него?
Самоубийство? Чертова охрана!
Явился вождь, в сапожках из сафьяна
Ступая тихо, грозно, как судьба.
Чуть шевелилась нижняя губа.
Лежал его товарищ бездыханно.
Смотрел с минуту Сталин на Серго.
«Хана!»- сказал он на своем аргю.

А там, в Абхазии, не только море,
И солнце и курортные дома,
И спирт, и мирт, и флирт... Там есть и горе,
Смотри же, Сария: Там есть тюрьма.
Ей тридцать три. Четырнадцатый сыну.
Знавала труд земли, сухую глину
И нищий дом, сплетенный из ветвей,
В Кремле приемы, блеск столичных фей,
И шум пиров, и мягкую перину.
Теперь тюрьма. Как не сойти с ума?
Она не знает, что идет зима,

Что суд идет. Абхазам потрясенным
Становится известно, что в тиши
Интриги Нестор плел. Он был шпионом,
Он резидентом был Кемаль — Паши!
Абхазию отдать хотел он туркам,-
Недаром склонность к башлыкам и буркам
Питал он,- к феодальной старине!
Он эту страсть внушил своей родне
И сослуживцам, — жадным, подлым, юрким,
Разоблаченным ныне. Хороши
Предатели без чести и души!

Лаврентий, постановщик тех феерий,
Считал, что все участники важны,
Что малых нет ролей, но в полной мере
Суд завершат свидетельства жены.
А школа постановщика известна.
Психологизм и реализм. Уместно
И правильно воссозданный пейзаж.
Грозил. Били. Следовательно наш
Давал удар довольно полновесно.
Держали в блоке. И огорчены
Порой бывали грозные чины.

Ну, говори. Ну, говори. Ну, шлюха.
Ну, говори. Ну сука. Шесть ночей —
Допрос. Над ней начальник, возле уха
Гремит ключами, словно казначей.
Она упорствует: «Он был кристален,
Абхазию поднял он из развалин,
Он был хорошим мужем и отцом,
Железным, твердым, сталинским борцом,
Когда узнает, вас накажет Сталин,-
Лаврентия и прочих палачей!»
Так — шесть ночей. А в связке — шесть ключей.

Приводят брата. Он безумен, болен:
«Сестра, признайся, Нестор виноват».
«Хочу, чтоб старший брат мой был доволен,
Но я не помню: разве ты — мой брат!»
Приводят сына. Он — живая рана:
«Смотри, все зубы выбили мне, нана,
Признайся, и отпустят нас домой!»
«Ты — жизнь моя, Рауф, сыночек мой,
Но разве жизнь твориться из обмана?
А зубы...но к чему они? Болят,
Сам знаешь, часто зубы у ребят».

41

За волосом выдерживают волос, —
И вот не стало длинных черных кос.
«Ну, что там эта падла? Раскололась»?
«Молчит зараза».- «Продолжай допрос».
Она страшна. Она сходна с совою.
И окровавленную головою,
Плешивою, кивает невпопад.
Какой однако сильный, чудный взгляд,
Какой горит он верою живою!
Вопрос. Удар. Вопрос Удар. Вопрос...
Кричать — кричу, а не дождетесь слез!

42

В ее глаза втыкаются булавки, —
И вот не стало умных карих глаз.
Но матерьял, как видно, тугоплавкий,-
Не раскололась и на этот раз.
Но больше не нужны замки, затворы,
Не засверкает больше взор, который
Был чист и жгуч, как разум и любовь.
Она мертва. Ушла из сердца кровь.
Она мертва. Что ж вы молчите, горы?
Ты, в саван облачившийся Кавказ,
Зачем от мира прячешь свой рассказ?

43

Военная зима. Москва в осаде.
Преодолев лефортовский подвал,
Письмо пришло наверх. Читают: «Дяде
Лаврентию... «Рауф в слезах взывал.
Лаврентий позабыл о нем? Едва ли.
Рауфа вывели и расстреляли.
Ему приснилась перед смертью мать:
«Сынок, ты так не должен был писать.
Поверь мне, лучше умереть в подвале».
А там, в снегах, солдат наш воевал,
Там начинался новый перевал.

44

Еще мы были много лет готовы
Ждать, помнить тех, кто нес тяжелый крест,
Но возвращаются из ссылки вдовы,
Уехавшие в возрасте невест.
Страна присутствует на читках громких.
Мы узнаем ту правду, что в потемках,
В застенках, в пепле, в урнах гробовых
Была жива, росла среди живых,
И вот ее в словах мы слышим емких,
На четверть века взятых под арест:
Теперь им волю дал двадцатый съезд.

45

Абхазская весна, свободой вея,
Шумит Эвксинкий Понт, он бьет в набат.
Снимают изваянье корифея
И ставят Нестора у входа в сад.
Пред памятником — старец на скамейке.
В плаще поверх жилета из цыгейки,
Он сух и желт, сутул и горбонос.
Когда-то он производил допрос.
Ему теперь, конечно, три копейки
Цена в базарный день, но тот же взгляд, —
Знакомый взгляд — что много лет назад,

46

Когда он Сарии в глаза булавки
Втыкая. Живет на пенсии теперь.
Жену похоронил, а дочка — в главке.
Ее смешно он называет: «дщерь».
Он кофе в «Амре» пьет, читает книги
О Византии, о монгольском иге.
Играет в нарды. Как его поймешь?
Ведь так на человека он похож!
Но, вспомнив исторические сдвиги,
В открытую не вламываясь дверь,
Ты скажешь людям просто: «Это зверь».

47

Кивнув ему, проходит восьмиклассник,
Сосредоточен, вежлив и упрям.
Весна пред ним шумит, как детский праздник,
Желанный и отцам и матерям.
А зори все яснее и яснее,
А море все синее и синее,
Оно поет о том, как аргонавт
Плыл к правде средь бушующих неправд,
О здешнем уроженце Прометее,
О будущем, бегущим по волнам, —
Смотри, оно рукою машет нам.

Сария и Нестор 1921–1922 гг.

Набережная, паркет. 1930 г.

Сария и Рауф последний снимок с сыном, за год до ареста